

Д. А. Ананьев

Проблемы освоения Дальнего Востока и Северотихоокеанского региона (в XVII – середине XIX вв.) в западной историографии

Зарубежных авторов неизменно привлекал самый широкий круг вопросов, связанных с историей освоения русскими Дальнего востока и Северной части Тихого океана. Совокупность исследовательских проблем можно разделить на две группы, соответствующие основным историческим этапам русской колонизации обширного региона. В первую группу входят вопросы, связанные с установлением причин и характера освоения русскими Дальнего Востока во второй половине XVII – XVIII вв., целей правительственной политики в Дальневосточном регионе, выяснением значения Приамурья, оценкой Нерчинского, Айгуньского и Пекинского договоров.

Вторая группа исследовательских проблем связана с выяснением целей выхода русских в Тихий океан и активного исследования его северных широт в первой половине XVIII в. и, в первую очередь, с определением задач и итогов экспедиций В. Беринга.

Стремление России укрепить свои позиции в Северотихоокеанском регионе вызывало интерес западных исследователей (например, В. Коукса) уже в XVIII в. Тема имела явное политическое звучание – равно как и проблемы русско-китайских и русско-японских отношений. Оценка перспектив русского присутствия в Тихом океане была бы необъективной без обстоятельного изучения его истории, но первые научные работы, посвященные истории русской колонизации региона появились на Западе лишь во второй половине XIX в.

В первых трудах по истории Дальнего Востока, написанных Э. Равенштейном и А. Краузе, была высказана мысль о преимущественно политических целях колонизации края. Инициаторами проникновения в регион были казаки и промышленники, но главной задачей, по мнению центральных и местных властей, было развитие земледелия, то есть создание прочного плацдарма для русского присутствия. Особую роль в решении этой задачи играло освоение Приамурья. В этой связи основное внимание Э. Равенштейн и А. Краузе уделяли настойчивой и последовательной борьбе России за Приамурье, продолжавшейся в течение двухсот лет и во многом определившей дальнейшее течение русской территориальной экспансии¹.

В начале XX в. о преобладании политических целей имперской экспансии России на Дальнем Востоке писал К. фон Цеппелин². Вслед за А. Краузе К. Фон Цеппелин разделял взгляд на Нерчинский договор как дипломатическое поражение России. Впрочем, уже А. Краузе считал «Нерчинское поражение» редким исключением на фоне многочисленных приобретений России в Азии, к тому же договор с Китаем положил начало длительному периоду добрососедских отношений двух государств³. Соответственно, Айгунский и Пекинский договоры, как и деятельность Н. Муравьева-Амурского в 1850-х годов,

Ананьев Денис Анатольевич, к.и.н., научный сотрудник, Институт истории СО РАН.
Эл. почта: istorik.novosib@gmail.com

¹ *Ravenstein E.* Russians on the Amur: its Discovery, Conquer and Colonization. London, 1861. P. 10–64; *Krausse A.* Russia in Asia. A Record and A Study. 1558–1899. London, 1900. P. 24–35.

² *Zepelin, von C.* Der Ferne Osten, seine Geschichte, seine Entwicklung in der Neuesten Zeit, seine Lage nach dem Russisch-Japanischen Kriege. Berlin, 1909. S. 6–13.

³ *Krausse A.* Russia in Asia. Chronicle and Research (1558–1899). L., N. Y., 1900.

обеспечившая установление контроля над Приамурьем, расценивалась историками как безусловный успех дальневосточной политики России.

Вывод о преимущественно торговых интересах России на Дальнем Востоке получил распространение в американской историографии – прежде всего, в работах Г. Бэнкрофта, Ф. Голдера, Р. Кернера. По мнению Ф. Голдера, русские не осознавали действительного значения Приамурья, поскольку их главный интерес заключался в добыче и торговле пушниной. Основное внимание Ф. Голдер, для которого был характерен негативистский подход в оценке итогов русской колонизации, уделил описаниям примеров жесткости казаков в Приамурье и на Камчатке, военных столкновений русских с маньчжурами, коряками, чукчами и айну.

В отличие от Ф. Голдера, Р. Кернер полагал, что ценность Приамурья осознавали как в Пекине, так и в Москве. Русские лишились не только продовольственной базы, но и возможности установления прочных торговых связей с Китаем и Японией. Торговля с Китаем хотя и развивалась, но не была слишком доходной, поскольку добытую на Аляске пушнину приходилось везти в Кяхту¹.

Об устойчивом влиянии концепции Р. Кернера свидетельствовала монография Дж. Ленсена «Русский натиск на Японию», вышедшая в Принстоне в 1959 г. В основе освоения русскими Дальнего Востока и островов в Тихом океане автор усматривал торговые интересы и погоню за пушниной. Вместе с тем, историк предпочитал говорить о недостатке правительственного внимания к проблемам Дальнего Востока². Британский исследователь Т. Армстронг также писал о спонтанности процесса освоения региона, о роли пушной торговли и трудностях обеспечения колоний продовольствием, подрывавших основы русского присутствия³.

Американский историк Г. Сэлисбери, автор монографии «Война между Россией и Китаем», по сути, определил принципы меркантилизма как основополагающие для российской политики на Дальнем Востоке в XVII – середине XIX вв.⁴. В 1980-х годов данную концепцию обосновывал его соотечественник М. Бассин, считавший главной целью «русской восточной экспансии» добычу пушнины и объяснявший легкость, с которой Россия уступила Амур Китаю в конце XVII в., отсутствием перспективы развития пушных промыслов в крае. Надежды на Приамурье как возможную продовольственную базу также не оправдались, что предопределило смену направления русской колонизации⁵. Под влиянием концепции Р. Кернера о преимущественно торговых интересах России на Дальнем Востоке историки Калифорнийской школы (Дж. Ланцев, Р. Пирс, Дж. Харрисон) рассматривали Нерчинский договор как дипломатическую победу, позволившую России развивать торговые отношения с Китаем.

Канадский историк Дж. Гибсон первоначально использовал концепцию Р. Кернера в качестве теоретической основы своего исследования, посвященного проблемам продовольственного снабжения русской дальневосточной колонии в середине XVII – середине XIX вв. В одной из своих статей Дж. Гибсон поддержал идею Р. Кернера об «амурском вопросе», как

¹ *Kerner R.* Russian Expansion to America: Its Bibliographical Foundations. N. Y., 1931. P. 111–117.

² *Lensen G.* The Russian Push Toward Japan. Russo-Japanese Relations, 1697–1875. Princeton, 1959. P. 355.

³ *Armstrong T.* Russian Settlement in the North. Cambridge, 1965. P. 29.

⁴ *Salisbury H.* War Between Russia and China. New York, 1969. P. 59–60.

⁵ *Bassin M.* Expansion and colonialism in the East: Views of Siberia and Far East in Pre-Petrine Russia // Journal of Historical Geography. Vol. 14. № 1 (1988). P. 12–13.

«ключе к объяснению русской экспансии на Дальнем Востоке и в Америке»¹. По мнению Дж. Гибсона, в XVIII в. Россия все болезненнее переживала потерю Приамурья, рассматривая его как источник продовольствия и пушнины. Соответственно, поиск новых источников продовольствия и пушнины обусловили дальнейшую активность русских в регионе.

В то же время Дж. Гибсон отмечал, что расчет русского правительства на освоение Приамурья был ошибочным, поскольку даже после присоединения к России Амур не стал оживленным торговым маршрутом, а упадок пушной торговли и переселение многих жителей Охотского побережья и Камчатки в Приамурье уменьшили остроту проблемы продовольственного снабжения тихоокеанских владений России². Впоследствии Дж. Гибсон отмечал ведущую роль «имперских» целей России в дальневосточной политике³. В целом, в середине 1970-х годы, исследователь пришел к выводу о масштабности и планомерности «русской тихоокеанской экспансии», а Российскую империю называл могущественным соперником Великобритании, Испании и США.

В 1970-е годы среди историков Калифорнийской школы на роль политического фактора в дальневосточной колонизации указывал Р. Пирс. В качестве подтверждения своего вывода историк приводил тот факт, что развитие сельского хозяйства в Приамурье началось только в конце XIX в., а не сразу после приобретения Амура Н. Муравьевым – следовательно, проблема была гораздо сложнее⁴. Немецкий историк А. Каппелер, основываясь преимущественно на трудах Дж. Гибсона и Б. Дмитришина, также видел в правительственной политике на Дальнем Востоке сочетание имперских и торговых интересов. На значение политических целей дальневосточной экспансии России и роль русского правительства указывал Г. Баррэт, который, впрочем, расценивал дальневосточную политику как не вполне продуманную, печальным итогом которой в начале XX в. стало поражение в войне с Японией.

Очевидно, что в зависимости от понимания главных целей дальневосточной колонизации историки объясняли причины проникновения русских в Тихоокеанский регион. В качестве основных причин назывались политические (стремление империи укрепить свои позиции на востоке), торговые (поиск новых источников пушнины, развитие торговых отношений с Китаем, Японией и европейскими колониальными державами), а также необходимость научного изучения и составления точных географических карт Тихоокеанского региона.

Сторонниками идеи о преимущественно политических целях экспансии России в Северотихоокеанском регионе были А. Сокол, Ю. Семенов, О. Руденко. Впрочем, позиция А. Сокола, изложенная в статье «Русская экспансия и исследования в Тихом океане», выглядит достаточно противоречивой. В ней историк хотя и указал на необходимость изучения политической составляющей «русской восточной экспансии», но ограничился описанием успехов России в научном освоении Тихого океана XVII–XIX вв., а также истории пушных промыслов в регионе⁵.

¹ *Gibson J.* Russia on the Pacific: the Role of the Amour // *Canadian Geographer*. Vol. XVII. № 1, 1968. P. 22.

² *Gibson J.* Russia on the Pacific. P. 24.

³ *Idem.* The Significance of Siberia to Tsarist Russia // *Canadian Slavonic Papers*, 1972. Vol. 14. № 3. P. 453.

⁴ *Lantzeff G.V., Pierce R.A.* Eastward to Empire. Exploration and Conquest of the Russian Open Frontier to 1750. Montreal, London, 1973. P. 155–183.

⁵ *Skol A.* Russian Expansion and Exploration in the Pacific // *The American Slavic and East European Review*. 1952, № 2.

Роль правительства в освоении Тихоокеанского региона высоко оценивал О. Руденко, автор статьи «Россия в Тихом океане». В ней автор прямо указал на обеспокоенность западных держав не столько появлением русских в Тихом океане в XVIII в., сколько последовавшим за ним быстрым упрочением их позиций¹. Проникновение русских в Тихоокеанский регион представлено историком как результат продуманной политики, направленной на усиление роли Российской империи в мире.

Об активном участии русского правительства в исследовании Тихого океана, о стремлении создать прочную основу для присутствия России в регионе писал Ю. Семенов². Выяснению роли правительства (прежде всего, в лице Адмиралтейства) и политической подоплеке исследования Тихоокеанского региона посвящена монография канадского историка Г. Баррэта «Россия в водах Тихого океана в 1715–1825 гг.».

Ведущую роль торговых интересов России в Тихоокеанском регионе подчеркивали Р. Кернер, Дж. Ленсен, Дж. Ланцев, Р. Пирс. Решение научных задач считали главной причиной выхода России в Тихий океан Ф. Голдер, Дж. Антонсон, В. Ханэйбл, Т. Армстронг, Дж. Мирски.

Свои выводы о причинах «тихоокеанской экспансии» России англо- и германоязычные исследователи делали, в первую очередь, на основе изучения хода и результатов Камчатских экспедиций В. Беринга. Таким образом, оценка правительственной политики, по сути, основывалась на анализе задач, хода и итогов научных экспедиций в Тихом океане в первой половине XVIII в.

О решении В. Берингом сугубо научных задач – в первую очередь, вопроса о проливе между Азией и Америкой – первым из западных исследователей писал Ф. Голдер³. Незадолго до своей смерти Ф. Голдер подготовил двухтомное издание, посвященное экспедициям В. Беринга и опубликованное в 1922–1925 гг. Среди прочего, Ф. Голдер сделал вывод о том, что «в период между 1700 и 1715 гг. Камчатка и Курильские острова были открыты и исследованы, и “terra incognita” в Азии была отодвинута далеко на восток»⁴. Впрочем, результаты Первой Камчатской экспедиции Беринга Ф. Голдер оценивал как неудачные⁵. Среди отечественных исследователей данный вывод Ф. Голдера фактически разделяли А.И. Андреев, И.П. Магидович, В.А. Дивин, К.А. Шопотов и др.⁶

В 1980-х годов американские историки Дж. Антонсон и В. Ханэйбл также отмечали, что русское правительство было недовольно результатами плавания Беринга⁷. Однако,

¹ *Rudenko O.* Russia in the Pacific Basin // *Journal of the West*, 1976. Vol. 15. P. 53.

² *Semjonow Y.* Sibirien. Die Eroberung und Erschliessung der wirtschaftlichen Schatzkammer des Osten. Olten, Stuttgart, Salzburg, 1954. S. 174.

³ *Golder F.* Russian expansion on the Pacific, 1641–1850. Cleveland, 1914. P. 169.

⁴ *Golder F.A.* Berhing's Voyages. An Account of the Efforts of the Russians to determine the Relations between Asia and America. New York, 1922. Vol. 1. P. 4; *Чернавская В.Н.* Великие русские географические открытия на Северо-востоке Азии в XVI–XVIII вв. в освещении англо-американской историографии // *Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Историко-археологические исследования.* Владивосток, 1994. С. 152.

⁵ *Golder F.* Russian Expansion. P. 148–149.

⁶ *Андреев А.И.* Очерки по историко-географическому изучению Сибири. М., Л., 1965. С. 32; *Магидович И.П.* Очерки по истории географических открытий. М., 1967. С. 342; *Дивин В.А.* Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII в. М., 1971. С. 69; *Шопотов К.А.* К берегам Тихого океана. М., 1989. С. 23; *Алексеева Е.В.* Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург, 1998. С. 90.

⁷ *Antonson J.M., Hanable W.S.* Alaska's Heritage. (Alaska Historical Commission Studies in History. №. 133). State of Alaska, 1985; *Алексеева Е.В.* Русская Америка. С. 90.

по мнению американской исследовательницы К. Эрнесс, главной целью экспедиции Беринга и Чирикова было, прежде всего, определение географических параметров северо-западной оконечности Америки, и с этой задачей русские справились, составив превосходные карты¹.

Компромиссную концепцию предложил Т. Армстронг, сославшись на мнение самого В. Беринга, который считал, что в Первой Камчатской экспедиции «он показал, где кончается Азия, но не показал, где начинается Америка»². В целом, Т. Армстронг высоко оценил значение экспедиций В. Беринга и полагал, что Первая Камчатская экспедиция заложила традицию научных исследований в регионе³. Дж. Харрисон, Дж. Мирски, С. Томпкинс в своих монографиях также присоединились к традиционному представлению о научных целях экспедиций В. Беринга⁴.

В 1930-х годов вывод Ф. Голдера о научных целях тихоокеанских экспедиций в XVIII в. был дополнен лишь ошибочным предположением Р. Кернера о том, что одним из секретных заданий В. Беринга было возвращение Приамурья, отданного по Нерчинскому договору⁵.

Р. Фишер полностью отказался от концепции своего учителя Р. Кернера, восприняв выводы советской историографии (в частности, Б.П. Полевого⁶, А.В. Ефимова, В.И. Грекова) о решении В. Берингом в ходе обеих экспедиций политических задач колониальной экспансии и распространения влияния Российской империи в Тихом океане. Р. Фишер доказывал, что «обе экспедиции Беринга на север Тихого океана ...были первыми проявлениями стремления России расширить свою империю на ту часть Северной Америки, которая еще не была подчинена никакой другой европейской стране»⁷.

Осторожность Беринга, которая для многих исследователей служила объяснением неудач его экспедиций, с точки зрения Р.Фишера, объяснялась тем, «что он был иностранец, за год до Первой Камчатской экспедиции даже ушедший в отставку с военно-морской службы из-за того, что не получил повышения, которое он считал заслуженным». В свою очередь, отставка была обусловлена тем, что в 1713–1714 гг. Беринг проходил по делу

¹ *Urness C. Captain-Commander Vitus Bering // Bering and Chirikov. The American Voyages and Their Impact. P. 73, 79.*

² *Armstrong T. Siberian and Arctic Exploration // Bering and Chirikov. The American Voyages and Their Impact. Ed.by O. W. Frost. Anchorage, Alaska, 1992. P. 117; Алексеева Е.В. Русская Америка. С. 90.*

³ *Armstrong T. Siberian and Arctic Exploration // Bering and Chirikov. The American Voyages and Their Impact. Ed.by O. W. Frost. Anchorage, Alaska, 1992. P. 126; Алексеева Е.В. Русская Америка. С. 100.*

⁴ *Tompkins S. Alaska, Promyshlennik and Sourdough. Norman, Oklahoma, 1945. P. 25–45; Mirsky J. To the Arctic! New York, 1948. P. 68; Harrison J. The Founding of the Russian Empire in Asia and America. Coral Gables, Florida, 1971. P. 63–128.*

⁵ *Kerner R. Russian Expansion to America: Its Bibliographical Foundations. New York, 1931. P. 111–117.*

⁶ В частности Б. П.Полевой в одной из своих статей утверждал, что В. Беринг не понял истинного значения наказа Петра I: плыть к Америке до «города европейской владений». См.: *Полевой Б.П.. «Основание Русской Америки – идея Петра Великого»//Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. – 1867 г.). Материалы междунар. науч. конф. (Владивосток, 11–13 октября 1999 г.). Владивосток, 2001, С. 13–35.*

⁷ *Алексеева Е.В. Русская Америка. Американская Россия? С. 110; Fisher R.H. Imperial Russia Moves Overseas: An Overview // Russia in North America. Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America. Sitka, Alaska. August 19–22, 1987. Ed. by R. A. Pierce. The Limestone Press. Kingston. Ontario: Fairbanks, Alaska, 1990. P. 71.*

о невыполнении порученных заданий и «в дальнейшем чрезвычайно тщательно отнесился к приказам, следуя их букве»¹. Ограничившись изучением истории экспедиции В. Беринга, Р. Фишер не выявил значение политического фактора на следующем этапе освоения тихоокеанского региона. В результате, выводы Р. Фишера не были вполне усвоены новейшей западной историографией.

Вывод о решении в ходе Камчатских экспедиций стратегических задач расширения политического влияния Российской империи поддержали Ю. Семенов, Г. Баррэт, Дж. Гибсон. По словам Ю. Семенова, с самого начала было очевидно большое политическое значение экспедиции Беринга, целями которой, прежде всего, было укрепление позиций России на Дальнем Востоке, установление дипломатических и торговых отношений с Японией и контроль над Северным морским путем. Как отмечал Ю. Семенов, об этом писали еще К. Фон Бэр и С. Соловьев, но их выводы были полностью проигнорированы в советской историографии².

О решении в ходе экспедиций В. Беринга одновременно задач научного освоения Тихого океана и распространения политического влияния России в регионе писал Г. Баррэт. Канадский историк признал убедительным мнение А.В. Ефимова о том, что Петр I занялся проектом Камчатской экспедиции, преследуя цели имперской и территориальной экспансии³, но считал все же главнейшей задачей морских экспедиций в XVIII в. научное изучение Тихоокеанского региона, в котором позиции России оставались непрочными, а угроза международного конфликта – весьма реальной⁴. Для сравнения, в советской историографии о преимущественно научных целях Первой Камчатской экспедиции писали Л. Берг, А. Андреев⁵.

Вывод Р. Фишера об имперских устремлениях правительства, организовавшего главания Беринга, был усвоен Дж. Гибсоном, полагавшим, что еще до экспедиций Беринга русские знали, что азиатский и американский материки не соединены, и главной целью их плаваний было исследование водных пространств к востоку от Камчатки и открытие любых новых земель для расширения пушной торговли⁶.

В целом в разные периоды развития исторического сибиреведения западные исследователи отмечали различные факторы, игравшие ведущую роль в процессе колонизации русскими Дальневосточного и Северитихоокеанского региона. В то же время, в англо- и германоязычной историографии не существовало некоей единой, доминирующей концепции освоения русскими Дальнего Востока, Тихоокеанского региона и Северной Америки. В определенной степени, разнообразие подходов историков объясняется отсутствием работ обобщающего характера, в которых рассматривался бы весь комплекс указанных проблем и анализировался накопленный историографический опыт.

¹ Fisher R. To give Chirikov his Due // Bering and Chirikov. The American Voyages and Their Impact Ed.by O.W.Frost. Anchorage, Alaska, 1992. P. 49; Алексеева Е.В. Русская Америка. С. 95–96.

² Semjonow Y. Sibirien. Die Eroberung und Erschliessung der wirtschaftlichen Schatzkammer des Osten. Olten, Stuttgart, Salzburg, 1954. S. 174.

³ Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий (XVII – первая половина XVIII вв.). М., 1950.

⁴ Barrat G. Russia in the Pacific, 1715–1825. Vancouver, London, 1981. P. 234.

⁵ Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725–42 гг. М., Л., 1946; Андреев А.И. «Очерки по источниковедению Сибири XVII века», Л., 1940; Алексеева Е.В. Русская Америка. С. 90.

⁶ Gibson J.R. Supplying the Kamchatka Expeditions, 1725–30 and 1733–42 // Bering and Chirikov. The American Voyages and Their Impact. Ed.by O.W.Frost. Anchorage, Alaska, 1992. P. 90; Алексеева Е.В. Русская Америка. С. 111.